

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1098-1105
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1098
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Transformation of the Political and Legal Status of the Supreme Prince of Kabarda in the XVI – first quarter of the XIX century

Petr A. Kuz'minov ^{a, b}, Anzhela A. Zhurtova ^{a, b}

^a Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Russian Federation

^b Scientific and innovative center «Natural scientific methods in archeology, anthropology and archeography» KBSC RAS, Russian Federation

Abstract

In historical Caucasian studies in recent decades, many «copies» have been broken in discussions on the political role of Kabarda in the North Caucasus region in the XVI – early XIX centuries. The key figure in the system of the power hierarchy of the Kabardian principality was the supreme/senior prince. An analysis of the change in the status of the senior prince of Kabarda allows us to give an answer about the reasons for the weakening of the principality, the loss of sovereignty and entry into the Russian Empire.

After the death of the legendary prince Inal, the early feudal state of Circassia created by him disintegrated into many possessions. One of the most powerful was Kabarda, divided into four lands. The consolidating figure in the principality was the supreme prince of all Kabarda – pshishkho/oliypsh, elected at the congresses of «all the land» in turn from each inheritance, but his functions were significantly limited by the sovereign appanage princes. In the public consciousness and practical activities of the descendants of Inal, a view was established that did not allow the rise of some princes over others.

The seizure of power by the descendants of Psheapshoka Kaitukin (late XVI – early XVII century) led to their usurpation of the right to elect «grand princes» only from representatives of their clan. The split of the political elite of Kabarda in the 20s of the XVIII century into the Baksan and Kashkatau parties, oriented towards the Crimean Khanate and the Russian Empire, strengthened centrifugal tendencies, weakened its military potential, and led to the maximum weakening of the power of the supreme prince. This led to the intensification of internecine clashes, led to the military and political weakening of all institutions of power, and in 1822 the Russian administrative and judicial system was finally established in Kabarda.

Keywords: Kabarda, the supreme prince, elections, executive power, administrative apparatus, struggle, sovereignty, devaluation of power.

1. Введение

Современные социально-политические процессы на Северном Кавказе имеют глубокие исторические корни и непосредственно связаны с актуальной проблемой регионального национально-государственного строительства и социально-политической модернизации российской власти в сфере взаимодействия центра и субъектов.

Представители консервативных кругов исторической науки, «радикальные» лидеры отдельных групп общества предлагают сегодня пересмотреть основные вехи совместной истории народов России в царский и имперский период, отстаивая на научных, общественных форумах, в интернет-пространстве тезис о грубом вмешательстве российского правительства в процесс поступательного развития кабардинского этноса. Между тем анализ конкретных событий свидетельствует, что именно трансформация традиционных институтов политической культуры адыгов, то есть имманентные причины привели Кабарду к ослаблению, а укрепление России в Предкавказье только ускорило процесс девальвации институтов управления. Упрочение позиций России в регионе было следствием, а не причиной ослабления военной мощи Кабарды. Считаем, что исследования в данной области имеют не только научную, но и общественно-политическую значимость.

Объективная необходимость анализа важнейшего политического института традиционных северокавказских обществ, в том числе Кабарды, обусловлена дальнейшим развитием российской политической системы. Международный и отечественный опыт демонстрирует возможности эффективного сочетания традиционных и современных институтов в сфере власти и управления, которые становятся основой национальной модели политической системы и позволяют создать эффективный формат взаимоотношений в рамках федерации.

2. Материалы и методы

Источниковую основу исследования составляют несколько групп документальных материалов. Наиболее информативен двухтомный сборник по истории кабардино-русских отношений (*Кабардино-русские...*, 1957), в котором размещены документы из Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация). В нем опубликована переписка терских и астраханских воевод с Покольским приказом, в которой имеется ценная информация о народах Северного Кавказа и великокняжеской форме управления в Кабарде.

Органично дополняет данный корпус архивных источников труд С.А. Белокурова (*Белокуров, 1889*), в котором размещены уникальные документы, повествующие о родословной кабардинских и черкесских князей, о жалованной грамоте царя Ивана Грозного кабардинскому князю Камбулату и др. Из 34 опубликованных подборок документов – 12 посвящены князьям Кабарды. В материалах Терской сословно-поземельной комиссии (*Сборник документов...*, 2003) зафиксированы предания о князе Инале.

Вторую группу источников составляют нормы адата, фиксирующие права и обязанности верховных князей Кабарды (*Леонтович, 2002; Правовые нормы...*, 1997).

К третьей относим работы адыгских просветителей (*Ногмов, 1994; Хан-Гирей, 1978; Кудашев, 1990* и др.), которые отличаются глубоким знанием законов и обычаев, традиций, преданий, фольклора народа.

Отдельную группу источников составляют нарративы европейских авторов конца XVIII – XIX вв. (*Потоцкий, 1974; Дюбуа де Монперэ, 1937; Белл, 1974* и др.), в которых даны оценки общественного устройства Кабарды, приведен материал о взаимоотношениях князей и уорков.

В качестве методологического инструмента анализа правового статуса верховного князя Кабарды нами использованы методы политической антропологии, предметом изучения которой стали механизмы и институты власти традиционного общества, анализируемые на протяжении значительного времени. Достижения антропологии базируются на сочетании различных методов. Функциональный подход изучает эволюцию прав и обязанностей, реализуемых старшими князьями Кабарды в процессе управления княжеством. Структурный – дает возможность выявить сложившиеся связи как внутри рода Иналидов, обеспечивающие сохранение основных свойств политической системы Кабарды, так и во взаимоотношениях с элитами соседних этнотерриториальных образований. Процессуальный – позволил дифференцированно рассмотреть властные функции кабардинского князя и обосновать их эволюцию в рамках политической системы Кабарды XVI – начала XIX вв.

3. Обсуждение

Проблема статуса верховного князя Кабарды затрагивалась многими дореволюционными, советскими и современными исследователями. Кабардинский просветитель Ш. Ногмов, опираясь на богатый фольклор адыгов, дал развернутую характеристику роли князя в общественной жизни Кабарды (*Ногмов, 1994*).

Значительный вклад в освещение данной проблемы внесла Е.Н. Кушева, которая одной из первых в кавказоведении проработала фонды РГАДА, содержащие материалы о народах Северного Кавказа, и опубликовала работу, в которой немало места уделено кабардинским князьям (*Кушева, 1963*).

Е.Дж. Налоева первой поставила вопрос о наличии государственности в Кабарде и соответствующих политических институтах власти. Предметом ее исследования стала роль верховных князей в управлении Кабардой (*Налоева, 2015*). Продолжил эту работу В.Х. Кажаров (*Кажаров, 1992; Кажаров, 1994*), который детализировал историю возникновения и развития княжеской власти у адыгов.

С методологических позиций политической антропологии осветила роль верховного князя в кабардинском обществе Ю.М. Азикова (*Азикова, 2010*). Историографическое исследование внешнеполитических аспектов реализации княжеской власти в Кабарде осуществили П.А. Кузьминов и А.А. Журтова (*Кузьминов, 2012; Кузьминов, Журтова, 2013; Kuz'minov, Zhurtova, 2017*).

А.А. Черкасов (*Cherkasov, 2020*) на основе неопубликованных документов Государственного архива Краснодарского края проанализировал особенности феодально-крепостнических отношений в черкесском обществе в 1792–1861 гг.

4. Результаты

Политическая дробность адыгского социума была определяющей константой бытия в XV–XVIII вв. При этом его общественно-политическая организация, построенная на неписаных нормах обычного права, отличалась строгой упорядоченностью. Как подчеркивал Дж. Белл, такой порядок

был обусловлен степенью важности общественного мнения и установленных обычаев, являвшихся «высшим законом в этой стране» (Черкесии. – Авт.) (Белл, 1974: 479).

После смерти легендарного князя Инала (начало XV в.) созданное им раннефеодальное государство Черкесия распалось на множество владений. Одним из наиболее мощных была Кабарда, разделенная в XVI в. на четыре удела, принадлежавших княжеским фамилиям Идаровых, Кайтукиных, Таусултановых и Геляхстановых. Консолидирующей фигурой в княжестве был верховный князь всей Кабарды – пшишко/олиипш, избираемый на съездах «всей земли» по очереди из каждого удела, но его функции существенно ограничивались полновластием удельных князей, поскольку в общественном сознании кабардинской элиты утвердился взгляд, не допускавший даже формального подчинения кому бы то ни было, в том числе ближайшим родственникам. Позднее, в XVIII в., появляется термин «пши-уалий», «олиипш» – верховный князь, который в русских источниках звучал как «вали», «валий»¹. Когда речь шла о князе как о владельце деревни (куадж), то его называли «куадже-пши», если о нем говорили как о народном правителе, то его обозначали как «чилле-пши», то есть владлец, господин народа (Гарданов, 1967: 157).

История становления высшего сословия в Черкесии (пши), как считает С. Хан-Гирей, позволяет сделать вывод о том, что данный институт ведет свое начало «из общего источника властей, первоначальных в первобытном состоянии всех народов» (Хан-Гирей, 1978: 118). С развитием общественных отношений и социальной дифференциацией адыгского социума выделилась знать, во главе которой стояли князья – пши, сосредоточившие в своих руках политическую власть и основные материальные ресурсы.

Доступные источники позволяют исследовать историю княжеской власти с периода правления князя Инала. В дошедших до нас преданиях его называют Инал-Нэф (Инал Одноглазый), так как в одном из сражений он потерял глаз (Карданов, 2001: 14). По версии А.В. Гадло, – это косоглазый/монголоид (Гадло, 2005: 422).

По преданиям кабардинцев, оставшихся в народной памяти и зафиксированных в материалах Терской сословно-поземельной комиссии, родоначальником сословия пши был Инал, сын Хру-Факетлея, владыки Египта, который после поражения в схватке с турецким султаном (Магометом II), вынужден был бежать в Крымское ханство. Как именно Инал стал верховным князем Кабарды, то есть подчинил ее с помощью своей дружины или был призван народом для правления, в предании не сообщается. После смерти Инала Большая Кабарда была поделена на уделы между его сыновьями: Атажуко, Мисостом и Кайтуко, затем в роде Кайтуко был образован четвертый удел – Бек-Мурзина (Сборник документов..., 2003. Т. 1: 80).

Как утверждает Ш. Ногмов, Инал был выдающимся человеком своего времени и только под его «твердым и благоразумным правлением ... прекратились смуты и беспорядки между адыхейцами» (Ногмов, 1994: 95). Основой ратных и политических успехов пши Инала была поддержка широких слоев урков-дворян и свободных крестьян-тфокотлей, уставших от постоянных междоусобных столкновений, высокий для того времени уровень социально-экономического развития адыгов, военный опыт его предков (Араб-хана, Абдан-хана, Кеса, Адо, Хурофатлае), благоприятная внешнеполитическая обстановка.

Политическим центром Черкесии стал г. Шанджир, возведенный дедом Инала Абдан-ханом в междуречье Псифа и Напиля (История многовекового..., 2007: 34). Легитимность власти Инала над Черкесией утвердило народное собрание – Адыгэ хасэ. Военно-политические успехи, рациональное управление регионами, поддержка широких масс народа способствовали признанию Инала Великим князем Черкесии.

Огромная территория, подвластная Иналу, требовала унификации системы управления, поэтому князь разделил Кабарду на сорок уделов, обладавших относительной политической самостоятельностью, правом осуществлять свое судопроизводство, реализуемого с помощью специального института хеяццэ (суд, судья). Высшие должностные лица всех сорока уделов подчинялись Верховному князю и Верховной хасэ. (Кагазежев, 2015: 76). Эти события, по мнению большинства исследователей, произошли в XIV – начале XV вв. (Думанов, Кетов, 2000: 33), но Е.Дж. Налоева настаивает на 1334 г. (Налоева, 2015: 175). А.В. Гадло верхнюю хронологическую границу времени Инала связывает с X–XI вв., т.е. «до начала продвижения кабардинцев на восток» (Гадло, 2005: 419), но это предположение, высказанное в 1978 г., не получило поддержки исследователей, как не утвердилось в кавказоведении его версия о возможных татарских (Гадло, 2005: 420) или хазарских корнях Инала (Гадло, 2005: 422).

Деятельность Инала способствовала образованию, по словам Е.Дж. Налоевой, «раннефеодального государства» в Кабарде (Налоева, 2015: 174). После его смерти в соответствии с политической традицией Средневековья княжество распалось на ряд уделов, доставшихся в наследство его сыновьям. Во второй половине XV в. Черкесия представляла собой конгломерат мелких княжеств и владений, объединенных общим происхождением, характером общественных

¹ Термин «олий» арабского происхождения и означает «председатель».

отношений, языком, культурой, менталитетом, образом жизни, но не имевших централизованной власти и постоянно враждовавших между собой.

Но не только кабардинские князья являлись потомками Инала. Весь княжеский дом адыгов, разделенный на множество линий, вел от него свою родословную. По сведениям Ш. Ногмова, Черкесия после смерти Инала была разделена на уделы между его сыновьями Жанхотом, Минболатом, Бесланом, Унармесом и Кирмишом, один из которых остался в Хегаке, «другие поселились в Кемиргое, а остальные ушли в Кабарду» (Ногмов, 1994: 96). Сыновья и внуки Инала были верховными князьями у бесланеевцев (Каноковы), хатукаевцев (Хатукоевы), жанеевцев, хегаков (Зановы), кемиргоевцев (Болотоковы) и кабардинцев (Идаровы, Мисостовы, Казыевы, Бекмурзины, Атажуковы и др.). Другие княжеские династии, получившие свое происхождение от братьев Черчана, Хамиша, Богорсоко и Бастеко, стали князьями махосевцев и бжедугов (Дзамихов, 2008: 226). В условиях разнообразной этносоциальной организации общества народные предания о едином родоначальнике адыгских князей служили идеологическим инструментом легитимации политической власти.

Официальным для всех потомков Инала являлся титул пши («святой», «верховный»), который можно было получить исключительно по наследству (Очерки истории..., 1957: 185). Князья в пределах своих княжеств/уделов являлись верховными собственниками земли и обладали высшей политической властью (История Адыгеи..., 2009: 138).

О высоком положении пши свидетельствует брак Ивана Грозного с дочерью верховного князя Кабарды Темрюка Идарова – Гошаней, после крещения Марией. Адыгские князья имели родственные связи с феодальными домами Кавказа, Турции, Крыма.

Кабарда в XVI – первой четверти XIX вв. состояла из нескольких уделов, получивших по традиции имя князя-владельца и обладавших определенным суверенитетом. Единое политическое руководство княжеством осуществлял пшишко, избираемый на общекабардинских съездах по очереди из представителей разных ветвей княжеской династии Иналидов. Избирательный процесс осуществлялся в два этапа. Сначала съезд определял фамилию, из числа представителей которой в дальнейшем выбирались претенденты на великокняжеский престол. На втором этапе осуществлялось непосредственно избрание верховного князя. После смерти пшишко княжеский титул наследовал следующий за ним брат и так до тех пор, пока все братья верховного князя не реализуют свое традиционное право на «большое княжение».

Высшая исполнительная и распорядительная власть в Кабарде была сосредоточена в руках старшего князя, хотя она существенно ограничивалась полновластием удельных князей. Дом верховного князя становился политическим центром всей Кабарды. Валий де-юре обладал значительным объемом власти. В частности, в его руках была сосредоточена исполнительная власть, он оставлял за собой право председательствовать на заседаниях хасэ и в верховном суде, осуществлял контроль за исполнением решений высших должностных лиц княжества, пресекал попытки покушения на общественный порядок, организовывал сбор налогов и пошлин и др. (Кажаров, 1994: 251). В адатах сказано, что «князь получает дань со всех сословий, проживающих на его владении в размере двух голов овец в год с каждого двора». Данный налог получил название «мелжаго» (Леонтович, 2002: 201).

Основными статьями дохода казны верховного князя Кабарды являлись налоговые поступления и различные штрафы. В соответствии с нормами обычного права за невыполнение или ненадлежащее исполнение требований пши, а также за демонстрацию косвенного неуважения по отношению к нему предусматривались различные виды наказаний (Полное собрание..., 1997: 103).

Олипш обладал правом наказывать за провинности и уклонение от воинского долга население всей Кабарды. Пшишко разрешал не только внутривластные конфликты и противоречия, но и определял внешнеполитическую ориентацию Кабарды, «был военачальником вооруженных сил; ему вверял народ объявлять войну и заключать мир» (Сборник документов..., 2003: 81).

Вопрос о значимости кабардинского верховного князя в адыгском обществе связан с проблемой определения его круга обязанностей. Главный нормативный источник «Адаты кабардинцев» сообщает, что пши «почитается владельцем покровительствуемых им аулов и земель, им принадлежащих, обязан оные оберегать и защищать» (Леонтович, 2002: 102). В силу этого «в обязанность князей входит прекращение между жителями подвластных ему аулов ссор и конфликтов, удержание их в добром согласии и дружестве» (Леонтович, 2002: 107). Таким образом, пши обладал не только исполнительной властью, но и осуществлял судебные функции.

Ю.М. Азикова отмечает, что верховный князь в процессе своего правления опирался на особый административный аппарат, который не был четко структурирован, но осуществлял необходимые функции. Кроме того, правитель был наделен легитимной властью, специальными инструментами и механизмами принуждения и насилия для реализации своих решений (Азикова, 2010: 38), что свидетельствует о формировании ранней формы государственности в кабардинском обществе.

Из урков первых степеней – тлекотлешей – князья назначали себе помощников «кодз» (кьуэдзэ – помощник) в управлении своим уделом. Каждый удел состоял из нескольких десятков аулов или, как писали в русских источниках, кабаков-деревень (кьуажэ). Князь управлял своим уделом, опираясь на «подвижный управленческий аппарат», в составе которого были,

по утверждению Е.Дж. Налоевой, казначей, дворецкий, писарь, «ближние уздени», личные телохранители, бейголи и пшикеу, занимавшиеся сбором налогов, судебные исполнители, полицейские и посыльные (Налоева, 2015: 273) и др.

Демократичное по форме избрание старшего князя Кабарды, сложившееся в Средневековье, не привело к консолидации политической элиты. Наоборот, оно вело к частым междоусобным столкновениям недовольных выбором данного князя. Важный для княжества акт избрания старшего князя часто сопровождался кровопролитными столкновениями конкурентов-князей, добивавшихся титула пшишко. Для усиления своих притязаний претенденты часто прибегали к военно-политической поддержке русского царя или крымского хана, стремившихся оказать влияние на выборы великого князя (Адыгская (черкесская) энциклопедия, 2006: 140). При этом верховный правитель Кабарды, подчеркивает В. Кудашев, «не имел сильной власти над удельными князьями» (Кудашев, 1990: 38). Попытки консолидации Кабарды в 1560-х гг. в период правления Темрюка Идарова и на съездах удельных князей в 1580-х гг. не увенчались успехом в силу мощного противодействия других ветвей рода Инала.

Усиление центробежных сил в первой половине XVIII в. на фоне военно-политического усиления Российской империи в регионе привело к девальвации функций олийпша, и звание «старший князь» постепенно стало обеспечиваться не столько реальной властью, сколько знаками «наружного почтения» (Тхамоков, 1961: 182). В условиях отсутствия единства и перманентной борьбы между княжескими группировками Кабарды исключительное право верховного князя на созыв общих собраний князей и дворян для обсуждения тех или иных вопросов и, самое главное, поиска компромиссов внутри политической элиты – не могло быть реализовано. Раскол знати на баксанскую и кашкатаускую партии препятствовал принятию решений, обязательных для всей Кабарды (Кажаров, 1992: 33). Любое принятое на малых и больших советах решение без личного присутствия того или иного князя на обсуждении не имело для него юридической силы. К тому же в непрекращающихся столкновениях дворянско-княжеских группировок пшишко чаще проявлял себя не как лидер общества и третейский судья, а как удельный князь, получивший карт-бланш для сведения счета со своими противниками.

В результате легитимированного деления Кабарды между «братьями-князьями» в ней утвердилась своеобразная полицентрическая структура управления. В действующей политической системе не сформировались альтернативные ей способы и механизмы централизации. Принцип наследования по боковой линии настолько укрепился в политической системе Кабарды, что любая попытка общественной консолидации была обречена на провал, поскольку она находила непреодолимое препятствие в совокупности народных традиций и норм обычного права. По убеждению В.Х. Кажарова, данный принцип наследования верховной власти способствовал расширению и углублению разрушительных внутренних конфликтов и в конечном итоге привел к ликвидации Кабарды как самостоятельной политической единицы (Кажаров, 1992: 36).

5. Заключение

Анализ изменений политико-правового статуса верховного князя Кабарды показывает, что в постиналовский период в регионе не появились новый лидер или мощная политическая сила, способный/способная выйти за пределы удельной системы и создать иную форму политической организации, ведущей к консолидации элиты и созданию централизованного государства.

Удельная форма организации политического пространства, «демократизм» избрания князя на съезде – народном собрании («адыгэ хасэ»), торжество принципа «жить по старине», многократно зафиксированного в нормах обычного права, горизонтальная линия передачи властных полномочий верховного князя привели к ослаблению его роли в жизни общества и разрушению данного института.

Общекабардинские институты власти в результате острой междоусобной борьбы между удельными князьями, между князьями разных партий, между удельными князьями и старшим князем оказались девальвированы. В конечном счете это привело к упразднению должности верховного князя в 1822 г. в связи с ликвидацией суверенитета и утверждением в Кабарде новой российской административной и судебной системы.

Литература

Адыгская (черкесская) энциклопедия, 2006 – Адыгская (черкесская) энциклопедия / Гл. ред. М.А. Кумахов. М.: Фонд Б.Х. Акбашева, 2006. 1247 с.

Азикова, 2010 – Азикова Ю.М. Княжеская власть в Кабарде XVI–XVIII веков: проблемы исследования // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 6. С. 36–39.

Белл, 1974 – Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 458–530.

Белокуров, 1889 – Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Выпуск 1-й. 1578–1613 гг. М.: Университетская тип., 1889. 715 с.

Гадло, 2005 – Гадло А.В. Князь Инал адыго-кабардинских родословных // *Исторический вестник*. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.; Эль-Фа, 2005. Вып. I. С. 414-425.

Гарданов, 1967 – Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967. 331 с.

Дзамихов, 2008 – Дзамихов К.Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 2008. 816 с.

Думанов, Кетов, 2000 – Думанов Х.М., Кетов Ю.М. Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII–XIX века. Нальчик: КБНЦ ИГИ, 2000. 129 с.

Дюбуа де Монперэ, 1937 – Дюбуа де Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа / Пер. с франц. Н.А. Данкевич-Пушиной. Сухуми: АбГИЗ, 1937. Т. 1. 175 с.

История Адыгеи..., 2009 – История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в. В 2 т. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2009. Т. 1. 452 с.

История многовекового..., 2007 – История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.

Кабардино-русские..., 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. Т. 1. XVI–XVII вв. 478 с.

Кагазежев, 2015 – Кагазежев Ж.В. Из этнической и политической истории средневековой Черкесии (XIV – первая половина XVII вв.). Нальчик: Эльбрус, 2015. 464 с.

Кажаров, 1992 – Кажаров В.Х. Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1992. 160 с.

Кажаров, 1994 – Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 438 с.

Карданов, 2001 – Карданов Ч.Э. Путь к России. Кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством в XVI – начале XIX века. Нальчик: Эльбрус, 2001. 430 с.

Кудашев, 1990 – Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. Репринт. Нальчик, 1990. 283 с.

Кузьминов, 2012 – Кузьминов П.А. Национальные элиты в повседневности Российского государства XVI–XVII в. (на примере рода князей Черкасских) // *Материалы Международного научного конгресса «История семьи – история народа»*, г. Сантьяго-де-Компостела 23–25 ноября 2011 г. Сантьяго-де-Компостела – Москва – Рязань, 2012. С. 250–256.

Кузьминов, Журтова, 2013 – Кузьминов П.А., Журтова А.А. Проблемы русско-кабардинских взаимоотношений в XVI–XVIII вв. в современной отечественной историографии // *Социально-гуманитарные знания*. 2013. № 9. С. 89–98.

Кушева, 1963 – Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 371 с.

Леонтович, 2002 – Леонтович Ф.И. Адагы кавказских князей. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Вып. I. 343 с.

Налоева, 2015 – Налоева Е.Дж. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / Сост. А.С. Мирзоев. Нальчик: Печатный двор, 2015. 368 с.

Ногмов, 1994 – Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / Вступит. статья и подготовка текста Т.Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.

Очерки истории..., 1957 – Очерки истории Адыгеи. Майкоп: Адыгейское книжное изд-во, 1957. 483 с.

Потоцкий, 1974 – Потоцкий Я. Путешествие в астраханские и кавказские степи // *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.* / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 214–224.

Правовые нормы..., 1997 – Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV–XIX вв. Майкоп: Меоты, 1997. 296 с.

Сборник документов..., 2003 – Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793–1897. В 2 т. Нальчик: Эль-Фа, 2003. Т. 1. 344 с.

Тхамоков, 1961 – Тхамоков Н.Х. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1961. 202 с.

Хан-Гирей, 1978 – Хан-Гирей С. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. 333 с.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. 3-1: 1415–2266.

Kuz'minov, Zhurtova, 2017 – Kuz'minov P.A., Zhurtova A.A., Dyshekov M.V., Tamazov M.S. Administrative and Legal Transformation of the 1850–1870s among the Peoples of the North Caucasus in the Assessment of Representatives of Liberal Historiography // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44. 2: 505–512.

References

Адыгская (черкесская) энциклопедия, 2006 – Адыгская (черкесская) энциклопедия [Адыг (Circassian) encyclopedia]. Glav. red. М.А. Kumakhov. М., 2006. 1247 p. [in Russian]

- Azikova, 2010** – Azikova, Yu.M. (2010). Knyazheskaya vlast' v Kabarde XVI–XVIII vekov: problemy issledovaniya [Princely power in Kabarda in the XVI–XVIII centuries: research problems]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 6: 36-39. [in Russian]
- Bell, 1974** – Bell, D. (1974). Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837, 1838, 1839 gg. [Diary of his stay in Circassia during 1837, 1838, 1839]. *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. Sost. V.K. Gardanov. Nal'chik*. Pp. 458-530. [in Russian]
- Belokurov, 1889** – Belokurov, S.A. (1889). Snosheniya Rossii s Kavkazom [Relations between Russia and the Caucasus]. Vypusk 1-i. 1578-1613. M. 715 p. [in Russian]
- Cherkasov, 2020** – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1. 3-1: 1415-2266.
- Dumanov, Ketov, 2000** – Dumanov, Kh.M., Ketov, Yu.M. (2000). Adyge khabze i sud v Kabarde vo vtoroi polovine XVIII–XIX veka [Adyghe khabze and the court in Kabarda in the second half of the XVIII–XIX centuries]. *Nal'chik*. 129 p. [in Russian]
- Dyubua de Monpere, 1937** – Dyubua de Monpere, F. (1937). Puteshestvie vokrug Kavkaza [Travel around the Caucasus]. Per. s frants. N.A. Dankevich-Pushchinoi. Sukhumi. T. 1. 175 p. [in Russian]
- Dzamikhov, 2008** – Dzamikhov, K.F. (2008). Adygi: vekhi istorii [Adygs: milestones in history]. *Nal'chik*. 816 p. [in Russian]
- Gadlo, 2005** – Gadlo, A.V. (2005). Knyaz' Inal adygo-kabardinskikh rodoslovnykh [Prince Inal of Adyghe-Kabardian genealogies]. *Istoricheskii vestnik. Nal'chik*. 1: 414-425. [in Russian]
- Gardanov, 1967** – Gardanov, V.K. (1967). Obshchestvennyi stroi adygsikh narodov (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [The social system of the Adyghe peoples (XVIII – first half of the XIX century)]. M. 331 p. [in Russian]
- Istoriya Adygei..., 2009** – Istoriya Adygei s drevneishikh vremen do nachala XX v. [History of Adygea from ancient times to the beginning of the XX century]. V 2-kh t. Maikop, 2009. T. 1. 452 p. [in Russian]
- Istoriya mnogovekovogo..., 2007** – Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva: K 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii i Rossii [History of the centuries-old commonwealth: To the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria and Russia]. *Nal'chik*, 2007. 720 p. [in Russian]
- Kabardino-russkie..., 1957** – Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. [Kabardino-Russian relations in the XVI-XVIII centuries]. Dokumenty i materialy v 2-kh t. M., 1957. T. 1. 478 p. [in Russian]
- Kagazezhev, 2015** – Kagazezhev, Zh.V. (2015). Iz etnicheskoi i politicheskoi istorii srednevekovoi Cherkesii (XIV – pervaya polovina XVII vv.) [From the ethnic and political history of medieval Circassia (XIV – first half of the XVII centuries)]. *Nal'chik*. 464 p. [in Russian]
- Kardanov, 2001** – Kardanov, Ch.E. (2001). Put' k Rossii. Kabardinskie knyaz'ya v istorii otnoshenii Kabardy s Rossiiskim gosudarstvom v XVI – nachale XIX veka [The path to Russia. Kabardian princes in the history of relations between Kabarda and the Russian state in the XVI – early XIX centuries]. *Nal'chik*. 430 p. [in Russian]
- Kazharov, 1992** – Kazharov, V.Kh. (1992). Adygskaya khasa. Iz istorii soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdenii feodal'noi Cherkesii [Adyg's khasa. From the history of the estate-representative institutions of feudal Circassia]. *Nal'chik*. 160 p. [in Russian]
- Kazharov, 1994** – Kazharov, V.Kh. (1994). Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [Traditional social institutions of the Kabardians and their crisis at the end of the XVIII – first half of the XIX century]. *Nal'chik*. 438 p. [in Russian]
- Khan-Girei, 1978** – Khan-Girei, S. (1978). Zapiski o Cherkesii [Notes about Circassia]. *Nal'chik*. 333 p. [in Russian]
- Kudashev, 1990** – Kudashev, V. (1990). Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode [Historical information about the Kabardian people]. *Nal'chik*. 283 p. [in Russian]
- Kusheva, 1963** – Kusheva, E.N. (1963). Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei. Vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka [The peoples of the North Caucasus and their ties with Russia. Second half of the XVI – 30s of the XVII century]. M. 371 p. [in Russian]
- Kuz'minov, 2012** – Kuz'minov, P.A. (2012). Natsional'nye elity v povsednevnosti Rossiiskogo gosudarstva XVI–XVII v. (na primere roda knyazei Cherkasskikh) [National elites in the everyday life of the Russian state in the XVI–XVII centuries]. *Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa «Istoriya sem'i – istoriya naroda»*, g. Sant'yago-de-Kompostela 23–25 noyabrya 2011 g. Sant'yago-de-Kompostela; Moskva; Ryazan'. Pp. 250-256. [in Russian]
- Kuz'minov, Zhurtova, 2013** – Kuz'minov, P.A., Zhurtova, A.A. (2013). Problemy russko-kabardinskikh vzaimootnoshenii v XVI–XVIII vv. v sovremennoi otechestvennoi istoriografii [Problems of Russian-Kabardian relations in the XVI–XVIII centuries in modern Russian historiography]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 9: 89-98. [in Russian]
- Kuz'minov, Zhurtova, 2017** – Kuz'minov, P.A., Zhurtova, A.A., Dyshekov, M.V., Tamazov, M.S. (2017). Administrative and Legal Transformation of the 1850–1870s among the Peoples of the North Caucasus in the Assessment of Representatives of Liberal Historiography. *Bylye Gody*. 44(2): 505-512.

Leontovich, 2002 – *Leontovich, F.I.* (2002). Adaty kavkazskikh knyazei. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza [Adats of the Caucasian princes. Materials on the customary law of the North and East Caucasus]. Nal'chik. Vyp. I. 343 p. [in Russian]

Naloeva, 2015 – *Naloeva, E.Dzh.* (2015). Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adyggskogo feodal'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-politicheskoi istorii [Kabarda in the first half of the XVIII century: the genesis of the feudal society of the Circassians and the problems of socio-political history]. Sost. A.S. Mirzoev. Nal'chik. 368 p. [in Russian]

Nogmov, 1994 – *Nogmov, Sh.B.* (1994). Istoriya adykheiskogo naroda, sostavlenaya po predaniyam kabardintsev [The history of the Adyhei people, compiled according to the legends of the Kabardians]. Vstupit. stat'ya i podgotovka teksta T.Kh. Kumykova. Nal'chik. 232 p. [in Russian]

Ocherki istorii..., 1957 – *Ocherki istorii Adygei* [Essays on the history of Adygea]. Maikop, 1957. 483 p. [in Russian]

Pototskii, 1974 – *Pototskii, Ya.* (1974). Puteshestvie v astrakhanskii i kavkazskie stepi [Journey to the Astrakhan and Caucasian steppes]. Adygi, balkartsy i karachaevtzy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. Sost. V.K. Gardanov. Nal'chik. Pp. 214–224. [in Russian]

Pravovye normy..., 1997 – *Pravovye normy adygov i balkaro-karachaevtsev v XV–XIX vv.* [Legal norms of the Circassians and Balkar-Karachais in the XV–XIX centuries]. Maikop, 1997. 296 p. [in Russian]

Sbornik dokumentov..., 2003 – *Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza* [Collection of documents on the estate law of the peoples of the North Caucasus]. 1793–1897: v 2 t. Nal'chik, 2003. T. 1. 344 p. [in Russian]

Tkhamokov, 1961 – *Tkhamokov, N.Kh.* (1961). Sotsial'no-ekonomicheskii i politicheskii stroi kabardintsev v XVIII veke [Socio-economic and political system of the Kabardians in the XVIII century]. Nal'chik. 202 p. [in Russian]

Трансформация политико-правового статуса верховного князя Кабарды в XVI – первой четверти XIX вв.

Петр Абрамович Кузьминов ^{a, b, *}, Анжела Ариковна Журтова ^{a, b}

^a Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Российская Федерация

^b Научно-инновационный центр «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии» КБНЦ РАН, Российская Федерация

Аннотация. В историческом кавказоведении в последние десятилетия много «копий» сломано в дискуссиях по вопросу о политической роли Кабарды в Северо-Кавказском регионе в XVI – начале XIX вв. Ключевой фигурой в системе властной иерархии кабардинского княжества был верховный/старший князь. Анализ изменения статуса старшего князя Кабарды позволяет дать ответ о причинах ослабления княжества, потере суверенитета и вхождения в административное пространство Российской империи.

После смерти легендарного князя Инала созданное им раннефеодальное государство Черкесия распалось на множество владений. Одним из наиболее мощных стала Кабарда, разделенная на четыре удела. Консолидирующей фигурой в княжестве был верховный князь всей Кабарды – пшишко/олиипш, избираемый на съездах «всей земли» по очереди из каждого удела, но его функции существенно ограничивались полновластием удельных князей, поскольку в общественном сознании потомков Инала утвердился взгляд, не допускавший даже формального подчинения ближайшим родственникам.

Захват власти потомками Пшеапшоки Кайтукина (конец XVI – начало XVII вв.) привел к узурпации ими права избрания «больших князей» только из представителей их рода. Раскол политической элиты Кабарды в 20-х гг. XVIII в. на баксанскую и кашкатаускую партии, ориентирующиеся на Крымское ханство и Российскую империю, усилил центробежные тенденции, ослабил ее военный потенциал, привел к максимальному ослаблению власти верховного князя. Это привело к усилению междоусобных столкновений, обусловило военное и политическое ослабление всех институтов власти, и в 1822 г. в Кабарде окончательно утвердилась российская административная и судебная система.

Ключевые слова: Кабарда, верховный князь, выборы, исполнительная власть, аппарат управления, борьба, суверенитет, девальвация власти.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: petrakis_hist@bk.ru (П.А. Кузьминов)